

Какая жалость, что это был не настоящий Дон Асули, который присоединился к ним в тот день. Ведь если бы это был он... Кто-нибудь бы осветил тайну тома, что читал Павон Блан Д'Аржан. Пророчество, сказанное много лет назад, гласило, что тот, кто родился от молнии, станет тьмой, которая положит конец миру. "Ты уверена, что пророчество действительно говорило о молнии?" скептически спросила Калла. Эдельвейс кивнула. "Я тоже немного покопалась в библиотеке, и иногда руна молнии может быть ошибочно истолкована как "униженный". Или просто человек, столкнувшийся с несчастьями. Сломанный. Несовершенный. В конце концов, символ молнии напоминает трещины, которые медленно распространяются. Его часто считают ужасным предзнаменованием бури, поэтому неудивительно, что он похож на руну, представляющую несчастье. Конечно, старший брат знает!" защищал его Сордидо. "Как ты смеешь сомневаться в его уме? У него были лучшие оценки на занятиях по языкам из всех в Академии за последние 50 лет!" Молчи, Сорди. Особенно когда речь идет о вещах, в которых ты ничего не понимаешь. Это был момент, когда Дон, стоявший у двери, должен был услышать голос Павона. Если бы это был он, его бы удивила властная сила этого голоса, несмотря на его мягкий и нежный тон. Но поскольку это был не он, "Дон Асули", стоявшего у двери, лишь ухмыльнулся. "Он все еще так же жесток по отношению к своему младшему брату, а тот все еще получает удовольствие от этого. Действительно жалко." И, как и ожидалось, Сордидо ответил тихим: "Я-я прошу прощения, старший брат." Павон проигнорировал его извинения и продолжил объяснять девушкам: "У них есть повод сомневаться. Это правда. Молния и несчастье были практически синонимами на протяжении миллионов лет, независимо от языка в Магетии. Словно существует общее понимание, что молния означает разрушение, предзнаменование резкого и внезапного удара грядущего." Однако, независимо от того, что это означало, Ронин Виллоу подходит под любую из интерпретаций. Он был слугой Дома Зафейри, Дома Молнии, и с момента его рождения этот дом постигли различные несчастья." Павон перечислил все эти несчастья. "Из собранных нами источников, первое несчастье началось, когда 3-й ребенок Зафейри умер при родах в тот же год, что и сам Ронин. Вскоре после этого, дама Дома, герцогиня Акаса, умерла после рождения 4-го ребенка, Белладонны Зафейри." Эта Белладонна устроила беспорядки, которые привели к скрытому скандалу в Доме Зафейри, но у нас есть... жертва, которая может подтвердить, что произошло. Он явно говорил о Волькене, который получил шрам на лице на 5-летию Белладонны. Их 2-й сын, Зевксис, взял вину за этот инцидент и был изгнан своим собственным отцом. Точно так же старшего сына, Мэллана, который был близок к профессору Вириллу Крусталу, отстранили, и он тоже исчез. А потом Мэллана смертью поразил несчастный случай в виде падения с края в Бездну." У нас были шпионы, которые следили за именем, и подтвердили, что оно пришло в упадок, и скоро приблизится к нашему собственному упадку. Калла фыркнула. "А их стены тоже подожгли и атаковали?" Он услышал легкий гнев в голосе Павона, когда тот ответил: "... Нет. Пока. Но это случится. Как только они больше не смогут финансировать своих слуг или их просто бросят." А им будет хуже, чем нам, потому что у них это будет медленный и мучительный процесс, а наш был подобен молнии, которая ударила в одночасье. Павон подвел итог: "Как вы видите, вся семья Зафейри испытала несчастья с приходом этого Угольного мальчишки. Он был подобен проклятию, которое свалилось на них." Эдельвейс все еще с осторожностью относилась к поспешным выводам: "Допустим, что это действительно Ронин Виллоу принес разрушение в Дом Зафейри. Какое отношение это имеет к возвышению во тьме и принесению Конца?" Как один Угольный мальчишка может сделать это, и как именно это произойдет? Павон замолчал, а затем сказал: "Эта книга... называется "Смерть Смерти". Она старше всего, что вы когда-либо читали, осталось лишь несколько фрагментов, всего 14 страниц. "Смерть Смерти. Смерть Фоуссфорса. И я хочу сосредоточиться на интересном отрывке. Видите петлю?" Калла осмотрела ее и согласилась. "Да. Символ ловушки." Павон хихикнул. "Нет. Не только. Самоубийство тоже. Повеситься на петле." Две интерпретации могут пересекаться, исходя из истории, которую поставила группа Ловушки под названием "Лев и Гиена". Я дал им идею. Значит, это был

Павон, кто предложил им идею с этой пьесой. Теперь все стало понятно. Это была часть его собственной ловушки, чтобы провоцировать Смерть, вестника Конца. "Гиена могла убить Льва, но решила покончить с собой. И так, петля может означать как "ловушку", так и "самоубийство". Заманить кого-то в ловушку через свою собственную смерть." Ронин, надевший лицо Дона, слушал, но вдруг... У него закружилась голова, как раньше, когда он смотрел в зеркало и слышал голос своей матери. Она опять там была. Но сначала подростковый мальчик, которому было 17-18 лет, читал вслух книгу: "Я тебе скажу. Я тебе скажу. Мистер. Этот человек жестокий. Жестокий. Жестокий человек. Да. Ненавистный человек. Злой человек. Ах, я не выдержу этого. Вы не должны позволить Ему жить." Голос матери прервал чтение мальчика. "Ой, вот еще закуски. Что ты читаешь сегодня?" "А "Отчаянный Призыв". Мама, это самое чудесное произведение литературы, которое я когда-либо читал." "Ах, Осаму Дазай. Когда научишься, попробуй прочитать японскую версию, Оу. То, как Иуда относился к Иисусу с такой формальной, почтительной речью, можно заметить только в японском языке." Оу кивнул. "Я хочу подарить ее кому-то." "О? Книга о том, как чокнутый человек пошел убивать того, кого любил больше всего, и себя... в качестве подарка?" Оу снова кивнул. "Да. Я думаю, что это идеальная книга, чтобы описать свои чувства. Сам я не очень хорошо умею говорить о них." "Прощание с другом. И с этим миром." Мать вздохнула и присела рядом с ним. "Оу... Пойдем, кушай. Забудь об этой ерунде. Ты не должен этого делать." "Я не хочу, Мама." Оу настоял. "Я не хочу есть. Я не хочу забывать об этом." "Оу... Пожалуйста, зови меня Мамой. Как раньше." "Я не могу." Ответил он. "Почему же?" Радостное лицо Оу исказилось презрением. "Потому что ты не моя Мама. Ты просто призрак, фантом." "Тебя здесь нет." Он улыбнулся. "Ты сделала то же самое, что я планирую сделать, так что кто ты такая, чтобы судить меня? Когда ты посадила меня в эту боль и вину навсегда?" Мать - или, точнее сказать, ее призрачное галлюцинация, нахмурилась и коснулась его щеки, заляпанной слезами. Оу оттолкнул невидимую руку. "Мой друг не читает. Он ненавидел это. Он считает это скучным." Мать печально улыбнулась. "Поэтому ты должен знать, что даже если ты подаришь ему эту книгу, он не понимает твоих чувств?" "Я знаю. Но это не важно. Даже если он просто посмотрит краткое содержание в Google, он поймет. После того, как я сделаю то, что запланировал." "Ты заманиваешь его в ловушку так же, как я сделала. Ты лучше этого, Оу." Сказал призрак матери. "Действительно ли? Я монстр, Мама." Он ухмыльнулся. "Подобен Иуде, подобен Дьяволу. Я темнее самой темной ночи и приношу несчастья всем." "Даже тебе. День моего рождения стал твоим самым большим несчастьем. Почему иначе ты сделал бы это?" Призрак матери замолчал. А затем... Она просто повторила. "Поешь что-нибудь, Оу." И после этого Оу проснулся. Глядя на крышу, где вода капала ему на лицо. Шла буря снаружи, и на этой крыше было много трещин. Трещин, похожих на молнии. Никому нет дела до того, чтобы ее починить. Зачем? Когда в этом доме живут только монстры? У него заурчало в животе от голода. Но не было никого, кто бы накормил его или предложил закуски. Он все еще держал эту тонюсенькую брошюру, перечитывая слова снова и снова в этой маленькой, холодной и темной комнате. Слова, которые он хотел сказать, сказал за него Иуда. "Я убью Его и умру с Ним. Моя прежняя решимость возродилась снова, и, как монстр..." "Я жажду мести." Это была его месть. Какая бы мелкая она ни была, он все равно сделает это. И он надеялся, что если он возродится, то заставит этого человека страдать больше, чем он сам. Он не оставит его сторону, пусть они всегда встречаются, пусть их пути всегда пересекаются, никогда не расходясь... Как два человека на картине, один целует другого в щеку в знак предательства. Это больше не была молитва Оу. Нет. Это было его собственное, самопровозглашенное пророчество. Он не просто желал, чтобы это случилось. Это произойдет. Это была его судьба.